

ОСТРОТА МОМЕНТА

Золотой век современного танца эпохи «пост» происходит прямо сейчас.

Текст: Екатерина Васенина

Остроту момента в переживании акта смотрения современного искусства, а также его оценки по гамбургскому и любому счету на шкале времени каждый определяет сам. Кого-то обманывает данная в ощущениях прелесть, кого-то напрягает личная ответственность за свои чувства и эмоции, груз выработки мнения. Современному танцу, как части современного искусства, на это плевать. Он предоставляет такую широкую палитру возможностей участия и неучастия в себе, что вы имеете полное право вообще никак с ним не соотноситься и прекрасно себя чувствовать.

Сегодня свободные танцевальные практики переживают очередной золотой век. В молодых искусствах, где не все окончательно устаканилось

(современному танцу приятно думать о себе именно так), приливы и отливы сменяют друг друга в зависимости от глаз смотрящего. И в моих глазах современный танец купается в счастье. Но поймет это, конечно, потом.

Современный танец в России постепенно перестает работать на зачетку. Зачетка начинает работать на него. Это не кофе в постель, не бесплатный интернет каждому молодому художнику пожизненно, не ордер на квартиру или как там еще сбываются мечты. Но движение общества и государства навстречу людям, которым нравится, вообще-то, делать что хочешь, происходит. Просто в общем мутном потоке это не всегда очевидные и ярко освещенные встречи.

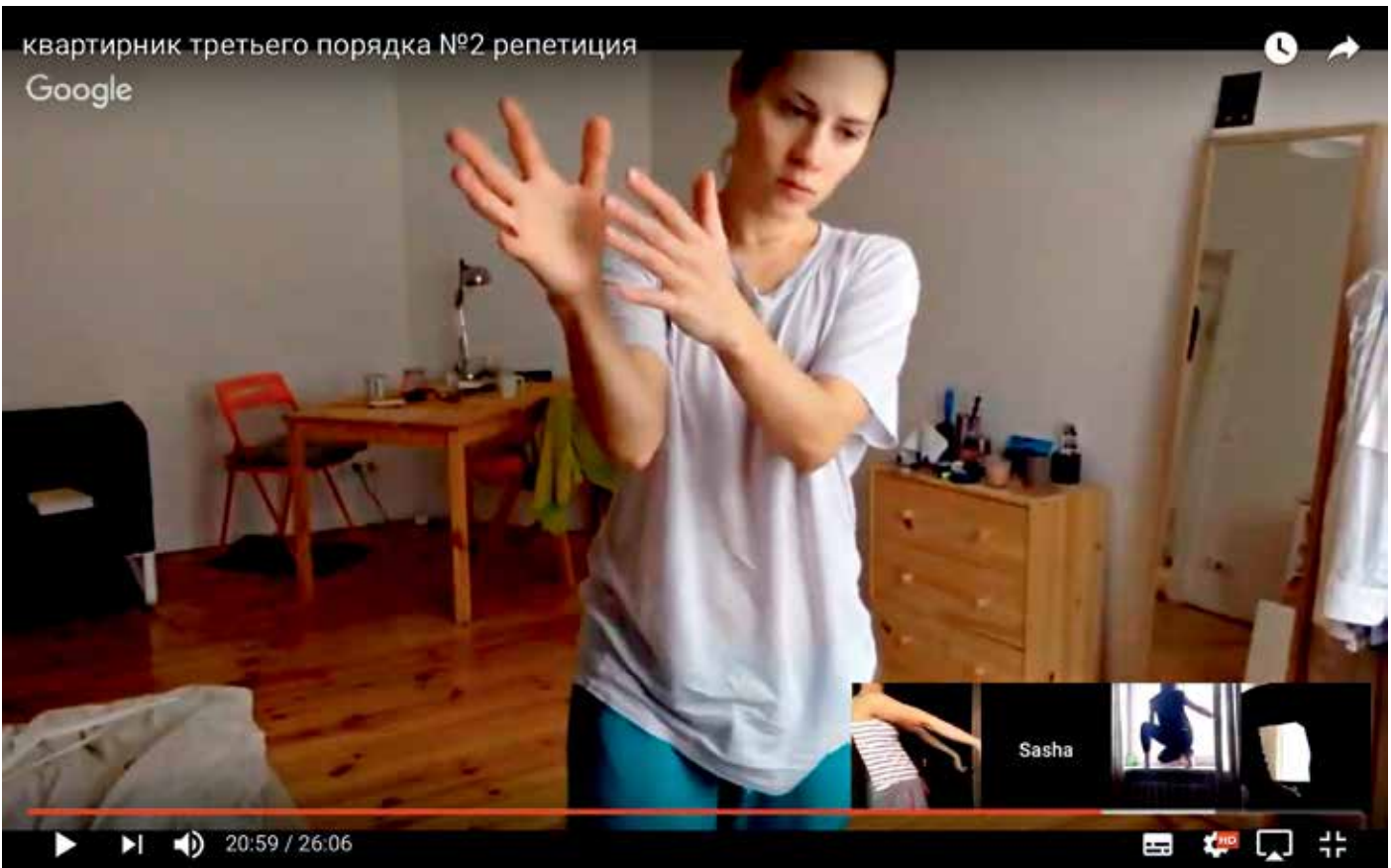
Труппа театра «Провинциальные танцы» Татьяны Багановой в Екатеринбурге получила штатные ставки и муниципальную зарплату через 25 лет работы. Челябинский театр современного танца Ольги Пона получил здание ДК завода металлоконструкций под базу через 25 лет работы коллектива. Казанский театр «Пантера» имеет муниципальное финансирование. В Москве работают два муниципальных театра современного танца – «Новый балет» и «Балет Москва». Лаборатории и резиденции проходят в московском Культурном центре ЗИЛ в таком режиме, что давно невозможно уследить за всем. Дирекция культурных центров Москвы посылает своих парламентариев в ЗИЛ смотреть премьеры в зале-конструкторе, потому что это как бесплатный «Гоголь-центр», модно; пусть и неизвестна пока конечная цель интереса государства в данном случае. Воркшопы и фестивали с участием спектаклей современного танца проходят, как ковровые бомбардировки: кто следит за процессом, давно не в состоянии попасть одновременно в Пермь, Киров, Петербург, Красноярск, Москву, Дубну, Тобольск, Екатеринбург, далее везде. Современный танец в России стал легально модным занятием. У зрителей и участников есть собственное видение искусства при произнесении или прочтении слов «современный танец». У включенных – свой набор образов, слои знаний, и эти воображаемые миры любят схлестнуться и поспорить, какой современный танец более настоящий и правильный: повествовательно-сюжетный, абстрактно-перформативный, сценический, музейный, квартирный или корпоративный. Само наличие дискуссии невероятно радует. Люди сообщества современного танца в Москве полагают, что государству хорошо бы их заметнее поддержать, желание правильное, но хочу напомнить, что такая

поддержка всегда происходит на условиях сделки, даже если это гранты, гран-при, субсидии.

В 20–30-х годах XX века молодое советское государство было заинтересовано в том, чтобы практики свободного танца участвовали в формировании государственной идеологии. Провозвестник ритмики Далькроза в России князь Волконский, издатель «Листков ритмической гимнастики», в 1920 году основал Институт ритма, помогавший ритмизировать движения рабочих разных профилей, увеличивать норму выработки. Искатель своего пути в танцевальном эксперименте Игорь Моисеев в 1937 году возглавляет ансамбль сценического народного танца, который стал флагманом государственной поддержки танцевальной самодеятельности: «Мы все артисты без отрыва от производства!» – говорит персонаж фильма «Волга-Волга», отправляясь в Москву на смотр песни и пляски. Дунканистка Людмила Алексеева приходит работать в Пролеткульт, бестужевка Стефанида Руднева создает систему преподавания ритмики детям в системе дополнительного внешкольного образования в советское время. Александр Румнев, участник многих пластических экспериментов 1920-х годов в студиях и драмтеатрах, в 1960-е возглавляет кафедру пантомимы во ВГИКе. Практики свободного танца, оставшиеся в СССР, вступают в коллаборацию с государством, рекрутированы им.

Сегодняшнее отсутствие заметного финансирования связано с тем, что государству не нужны практики современного танца для визуализации идеологии, это к счастью. Но нужны как ремесленники, способные создать качественный развлекающий продукт для телешоу, корпоративов, больших гала-концертов.

И тут возникает главный вопрос – осознают ли этот момент точно оплаченной свободы сами практики. Успевают ли они высказать, выпла-

<
Николь
Сельер.
Домашние
танцы. Фото
предоставле-
но фестива-
лем «Террито-
рия»

<
Йосиф Трефе-
ли. Creature.
Фото: Gregory
Batardon. Пре-
доставлено
Про Гельве-
ция Москва

>
Сюзанна
Шнайдер. Sie
BewegGrund.
Фото предо-
ставлено Про
Гельвеция
Москва

<
Айседорино
горе. Квартир-
ник третьего
порядка.
Фото предо-
ставлено
Александрой
Портяннико-
вой

кать, высмеять свое? Воспользоваться моментом достаточного внимания публики (программы фестивалей от Петербурга до Иванова, везде современный танец) и не встречи с государством на идеологической почве: кто-то делает это? Да! Локально, партизански, не в полную грудь, просто не до конца понимая, что так будет не всегда. Что надо успевать сказать и сделать сейчас то, что считаешь важным. В смысле широко упускаемых возможностей, российский современный танец проживает свой золотой век несколько впустую.

Мировой современный танец погружен в государственную экономику и мировую общественно-политическую повестку глубже. Благодаря феминистским трендам, локальным войнам и виртуализации иллюзий и процессов он постоянно получает художественные вызовы для дальнейшего переосмысления себя как актуального искусства, и именно количество возможностей делает современные танцевальные практики слишком обыденным ответом на новые изменения. Массовость производства и потребления перформанса стала нормой, как утренний кофе. Перформанс, в том числе танцевальный, в том числе терапевтический, стал признанной формой искусства. И продолжает всюду искать новые формы привлечения аудитории.

Швейцарский офис развития культуры Про Гельвеция привозил в сентябре в Москву Сюзанну Шнайдер, создавшую в 1998 году первый в Швейцарии интегративный проект Cie BewegGrund. На мастер-классе в Культурном центре ЗИЛ Шнайдер цитировала сторонника идеи cultural democracy, автора книги *Regular Marvels: A Handbook for Animators, Practitioners and Development Workers in Dance, Mime, Music and Literature* Франсуа Матарассо: «Искусство – единственное, что изменит мир. Искусство меняет то, как вы думаете. Искусство в конечном счете

связано с выражением ценностей и убеждений. Это то, что мы делаем, когда занимаемся искусством; мы пытаемся понять наш мир, подумать об этом, выработать и передать это понимание кому-то другому».

Сюзанна показывала серию фото современной живой Венеры, у которой нет рук: она была очень красива, и это даже не было расширением канонов женской красоты. Затем дуэт из репертуара своей компании Cie BewegGrund. Российские участники мастер-класса обсуждали вопросы, важные не только для инклюзивного танца, но для современного искусства вообще: эстетика разнообразия, или какая есть эстетическая выгода в разнообразии? Столкновение ожиданий и реальности. Препятствия к занятиям танцами у людей с ограниченными возможностями здоровья – как учить различиям?

В посольских программах международного обмена последних лет смущает одна закономерность: как правило, это одностороннее предъявление культуры страны, которая объявляет программу культурного обмена и оплачивает проведение мероприятий. Но Сюзанна Шнайдер так открыта индивидуальному диалогу, такую плотную программу поездок по стране ей расписала Про Гельвеция, что можно только благодарить. Женевская танцкомпания Иосифа Трефели со спектаклем *Jinx 103* на сцене зиловского зала-конструктора, кстати, приоткрыла широту палитры швейцарского современного танца: два венгра родом из Австралии и СССР, Трефели и Габор Варга, смешивают техники современного танца с телесной перкуссией, по-русски «хлопушками», а также элементами архаических ритуалов разных стран; тут и сходится формула архаики авангарда. «Домашние танцы» Николь Сейлер на фестивале «Территория-2018» заигрывают с сюжетом подсматривания. В видеотрейлере зрителя немного

прямолинейно приближают к окну танцующего в пустой квартире, как «вещь в себе», человека. Его движения формально непубличны; это танец переполняющей суггестии. Хореограф обнажает интимное вытанцовывание скрытых эмоций в формате спектакля-прогулки, а мы наблюдаем-подсматриваем домашние танцы с улицы. Но, кажется, в подсматривании больше домысливания, «за занавесками мельканье рук», чем предъявления зашторенного под ярким светом. Наводить зум на нарочито тобой же скрываемое, будто-случайно-обнаруженное, – какой-то контрход. Не так, на мой взгляд, важно уточнение, что на ночных освещенных кухнях танцуют любители, и оттого их танец в чем-то теплее и беззащитнее, что может увеличить наше стыдное удовольствие. Важнее другое – хотим ли мы смотреть, куда смотрим? Не смотрим ли мы больше на других подсматривающих? Зачем мы делаем вид, что интересуемся современным искусством?

Линия сайт-специфик и делегированных перформансов (эти емкие определения подходят и к работе Сейлер) на «Территории» началась не сегодня. Из программы только прошлого года можно вспомнить лекцию Алексея Киселева об иммерсивном театре, квартирник «В гостях. Европа» Rimini Protokoll, под заслуженные восторги проехавшийся по российским городам, автобусную ночную экскурсию «Червь» Всеволода Лисовского, урбанистическую интерпретацию линчевской «Дюны», в ММОМА на Петровке мы лежали в белоснежных кроватях с актрисами, и они тихо слушали, как бьются сердца прилеглих, страждущих эмпатии и тишины («Все, что со мной рядом» Фернандо Рубио). Танцевальная программа «Территории» тщательно продумана. Если это сценический современный танец, то это «Фаза» Анны Терезы де Керсмакер (2017), «Пиксель» Мурада Мерзуки (2016),

«Превращаемые» Торо Сааринена (2015), «Сфумато» Рашида Урамдана (2015), Itmoi Акрама Хана (2014) – работы современных хореографов первого ряда, с мастер-классами, паблик-токами. Пусть это фестиваль-ный, точечный режим, но он влияет на общий климат и контекст генерирования современного танца в стране (всероссийская школа «Территории» неизменно популярна у студентов).

Эти воображаемые миры любят схлестнуться и поспорить, какой современный танец более настоящий

Московский танцевальный кооператив «Айседорино горе» (Александра Портяникова + Дарья Плохова), как и Сейлер, тоже рефлексивно работает с нетеатральными пространствами, находя возможности сотрудничества с государственными институциями или придумывая что-то такое, что позволяет отрешиться от финансов. В 2015 году «АГ» на фестивале «Вдохновение» показали перформанс «Сокрытие торжества». Группа девушек в синих купальниках ходила по колению в воде фонтанирующего «Каменного цветка» под звуки «Праздничной увертюры» Дмитрия Шостаковича, написанной по случаю открытия этого фонтана. Перформанс укрывали полиэтиленом малые архитектурные формы фонтана в честь американских современных художников Христо Явашева

и Жанны-Клод де Гийебон, укрывавших и оборачивавших разноцветной тканью острова в Бискайском заливе, здание Рейхстага, памятник Леонардо да Винчи в Милане. Сокрытие публичного объекта возвращает к нему внимание: почему обернули? Как изменится после обнажения? Нынешняя глобальная реконструкция ВДНХ (все еще продолжающаяся) – отличный повод повторить этот художественный жест: как легендарные архитектурные объекты реставрируются, какие смыслы им придаются после снятия строительных лесов и брандмауэров.

Мой любимый проект «АГ» – онлайн-импровизации «Квартирник третьего порядка». В соцсетях анонсируется дата и время выхода танцовщиц в эфир; перформерки находятся у себя дома в разных городах. В назначенное время они выходят в сеть и танцуют свои домашние танцы, а мы смотрим прямой эфир на полиэкране и можем выбирать, на кого смотреть. Танцуют девушки разнообразный авторский contemporary и переговариваются; это танцпосиделки онлайн. Можно подключиться и отключиться из любой точки планеты, можно посмотреть архив, это бесплатно и добровольно – идеальный танцевальный спектакль наших дней. Конечно, «АГ» не исключают живых контактов и несколько лет разрабатывали с Гете-институтом, «Гаражом» и ЗИЛом семинар «Синдром собаки», где летом 2018-го практики всего мира учили друг друга танцевать, а танцевальные критики учились друг у друга думать и писать. Современный танец вообще похож на международное сотрудничество: это проверка собой привычной и/или неизвестной пока территории, личность и ее тело как страна со своими границами, географией, традициями. Со всем этим мы живем прямо сейчас, осенью 2018-го. Прогулки, подсматривание, танец

онлайн, ремейк ритуала, инклюзия – лишь часть спектра возможностей танца, которые из-за своей доступности и широты предложения теряют вес и ценность. Но всегда ли так будет? Я участвую сейчас. |ди|